

ЕЩЕ ШАГ К ПОНИМАНИЮ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ

В интересах прояснения истины хотелось бы ответить и на те доводы уважаемого С.С. Перуанского в защиту понятия информации, которые прозвучали в его «Заметках философского партизана» в «Вестнике РФО» №1, 2013 в ответ на мою статью «Возвращаясь к разговору о судьбе информации», напечатанной в «Вестнике РФО» №4, 2012.

Во-первых, не понятно, почему обсуждение судьбы одного понятия – это «пустопорожний разговор». О каком обсуждении «с позиции полноты и непротиворечивости» системы понятий может быть речь, если обнаружена мною не противоречивость в некоей системе понятий, а ненужность, пустота одного из связанных друг с другом понятий?! *Оно лишнее не потому, что как-то не вписывается в систему понятий или дублирует их, а потому, что за ним в объективной реальности ничего не скрывается.* А разговор о понятии со стороны вопроса о том, имеется ли у него какое-либо объективное содержание, как раз и есть обсуждение его судьбы.

Во-вторых, учение И.П. Павлова о рефлексах означало осознание способности мозга к рефлексам, а вовсе не того, благодаря чему рефлекс можно выбирать с помощью импульсов. Этим вопросом занимается не физиология, а наука об управлении. Именно она должна была ответить на вопрос о том, *что позволяет мозгу использовать импульсы для учёта воздействующих факторов.* Как она ответила на него, введя в обиход термин информации, все знают. А вот о том, что этот её ответ ошибочный, как раз и идёт речь в моей статье, показывающей, что мозг способен использовать «совершенно голые» (т.е. не несущие с собой ничего, кроме своих свойств и особенностей) импульсы, способен, благодаря своему устройству, реагировать на физические импульсы с учётом их нефизических характеристик, реагируя на один импульс *как на то*, что связано с давлением, а на другой – *как на то*, что связано с температурой или ещё с чем-либо. Эта способность, проявляя которую мозг привносит в свою деятельность идеальные явления (поскольку учитывает такие характеристики импульса, которые не имеют в нём материального выражения), и была названа мною способностью наделять управленческими ролями. Причём проявляется она и на понятийном уровне управления, породив потребность в целом классе особых понятий, предназначенных для указания того, чем или кем предметы или люди *являются, выступают* (т.е. с учётом каких нефизических, нематериальных характеристик – предназначений, функций – они воспринимаются в деятельности человеческого мозга).

А с другой стороны, именно в условиях неосознания указанной способности мозга возникла потребность в обозначении чего-то, позволяющего учитывать одно с помощью другого, чего-то, находящегося якобы в телах и процессах помимо их свойств. Таким обозначением и выступило понятие информации, обозначившее то, чем никакой предмет или процесс реально не обладает, поскольку реально обладать можно только собственными свойствами. В том, чтобы быть в телах и процессах, но при этом не быть их свойством, и состоит неустраиваемая внутренняя противоречивость информации как якобы необходимого элемента управления, свидетельствующая о допущенной ошибке в понимании механизма управления.

В-третьих, Вы, Сергей Серафимович, с одной стороны, признаёте, что импульсы *не несут с собой ничего лишнего*, только свою физическую «одежку», а с другой – утверждаете, что они *несут с собой* и значение, и смысл, и отражение. Так где же логика? Или нематериальная ноша не в счёт?

Импульсы, вовлечённые в деятельность мозга, несомненно имеют определённое для него значение. Но *«иметь значение» совсем не значит нести его на собственной спине*. И никакие словесные уловки с «кодированием» и «декодированием» не заставят импульс нагрузить себя чем-то, помимо его собственных свойств. Сигналом или знаком, т.е. носителем какого-либо значения, он является только в деятельности мозга, реагирующего на его свойства как на то, что связано с каким-то воздействием (при этом и отражением этого воздействия импульс тоже выступает не сам по себе, а только в деятельности мозга, учитывающей зависимость импульса от воздействия).

В-четвёртых, мои слова о подборе букв в соответствии с тем смыслом, который хотя бы передать с помощью текста, нисколько не противоречат моему отрицанию кодирования, хотя подбор букв и связан с наполнением значением и смыслом. *Такое противоречие возникает только при Вашем понимании указанного наполнения, т.е. когда оно связывается с привнесением в текст чего-то помимо свойств текста (включающих в себя и его форму). Только тогда оно означает кодирование*. Я же, наоборот, стараюсь показать, что наполнение текста смыслом не связано ни с каким привнесением в этот текст чего-то, помимо свойств самого текста, поскольку наполнение смыслом происходит только в деятельности мозга, а не на страницах текста, только в форме соответствующих идеальных явлений его деятельности, никогда не выходящих за рамки этой деятельности. При этом носителем какого-то смысла текст становится только на время его надления этим смыслом человеческим мозгом (т.е. лишь в моменты его написания и прочтения, когда буквы и слова связываются со звуками и образами), и только для наделяющего смыслом мозга. Признавая способность наделять ролями, Вы, к сожалению, не поняли главного, – что это как раз и есть способность наделять смыслом «пустые звуки», пригодные для осмысления, и

что перемещение сведений, знаний и т.п. это всего лишь иллюзия. Человек приобретает знания с помощью текста, ничего из него не «черпая».

И никакие импульсы тоже не являются носителями значения сами по себе, вне деятельности мозга, наделяющего их этим значением (ролью) в своей реакции на них. А потому выражение «мозг наделяет импульсы определёнными управленческими ролями» совсем не означает, что мозг при этом что-то «декодирует», что-то извлекает. «Наделять» и «извлекать» – это не синонимы, а противоположные по смыслу понятия, и не надо их произвольно взаимозаменять, меняя смысл сказанного. *В том-то всё и дело, что мозг способен принимать решение, как относиться к импульсам, ничего из них не извлекая!* Ему требуется лишь распознать их, а для этого вполне достаточно их свойств и особенностей. При этом все его реакции на импульсы с учётом их связей и значения предопределены заранее (о чём, кстати, говорит и учение Павлова).

В-пятых, Ваши доводы в защиту информации опираются на её отождествление со смыслом, значением и отражением. Но тем самым они строятся на ошибочном предположении о возможности свободного перемещения вместе с импульсами и предметами того, чем и те, и другие «обладают» только в управленческой деятельности мозга.

С одной стороны, Вы, помня о бритве Оккама, выступаете против отождествления информации с некой особой бестелесной сущностью. А с другой стороны, Вы забываете, что значение и смысл – это идеальные явления мозга, а не вообще материального мира, и не замечаете, что отрывая в своих рассуждениях эти явления от их естественного и единственно возможного местопребывания, Вы тем самым и порождаете в своём сознании некую ранее не известную сущность, которой наполняете, «одариваете» тела и процессы в обмен на её перемещение ими. При этом Вы утверждаете, что *«значения и смысл знаков-импульсов – это объективная идеально-материальная реальность»*. Ну что ж, в голове можно соединить и несоединяемое, но при чём тут объективность. Бесспорно лишь то, что импульсы, вовлечённые в управленческую деятельность, неразрывно связаны с идеальными явлениями мозга. Но связь-то эта возникает не на основе какого-то смешивания, взаимопроникновения идеального с материальным и образования новой – идеально-материальной – сущности, реальности. *Это же чистой воды механицизм*. Получается, что и со своим предназначением предметы соединены вовсе не в уме, а в пространстве. А это уже пример отрицательного влияния понятия информации на умы людей, поскольку никакого соединения идеального с материальным вне управленческой деятельности мозга не может быть. Объективность идеальных явлений состоит лишь в том, что они присутствуют в деятельности любого мозга независимо ни от чьих желаний. Но на этом их объективность и заканчивается. Даже в мозгу они присутствуют не в его импульсах, а только в его управленческой деятельности как то, чему помимо свойств этих

импульсов соответствует его управленческая реакция на эти импульсы (какой их роли, какому их значению, смыслу). Такое соответствие, являющееся неотъемлемой стороной осуществления управленческой деятельности мозга, и означает наделение импульсов ролями, значением или смыслом. Идеальные явления потому и идеальны, т.е. не материальны, что не способны, в отличие от чего-то материального, к какому-то самостоятельному – вне управленческой деятельности мозга – существованию. А с другой стороны, именно с их помощью, путём их привнесения в свою деятельность мозг и учитывает одно с помощью другого, совершенно не нуждаясь при этом ни в какой внутренне противоречивой «идеально-материальной реальности».

Таким образом, остаётся только понять, что отождествление информации с тем, что неотделимо от деятельности мозга, не устраняет противоречий информационного подхода к управлению, а приводит к новым, и что в мифе об информации, ведущем к появлению в человеческом сознании идеально-материальных кентавров, нуждаются только те, кто не замечает реальной возможности мозга без неё обходиться. А построенная П.К. Анохиным без применения понятия информации теория функциональных систем является, можно сказать, прямым практическим подтверждением данного вывода.

Попов Н.А., член РФО (Рига, Латвия). E-mail: n_popov@inbox.lv

* * *

БЫТЬ В ФИЛОСОФИИ И ОСТАВАТЬСЯ В ФИЛОСОФИИ

Прочитав статью В.И. Холодного «Философский пароход» («Вестник РФО», №4, 2012), я хотела бы назвать две, среди прочих, важнейших, на мой взгляд, задачи, которые надлежит решать сегодня людям нашей профессии – *философское покаяние* и *философская критика массового плебейского сознания*.

Каяться в чём? За что? За многое... За Философский пароход, вместе с которым из страны была изгнана философия, заменённая псевдофилософией. Философский пароход – это было только начало, но как говорил Пифагор, «Начало – пол целого дела». А дела после этого начались масштабно страшные. По всей стране была создана сеть ГУЛАГа, куда были заключены сотни тысяч самых образованных, самых мыслящих, самых творческих людей. Каяться за ГУЛАГ. За разрушение нашей великой культуры, заменённой «социалистическим реализмом», каяться за репрессированную науку, каяться за переселение целых народов, каяться за голодомор, за так называемое «раскулачивание», которое на самом деле было уничтожением самой трудоспособной части нашего крестьянства, каяться за уничтожение цвета польской нации – расстрел в Катыни сталинскими палачами нескольких тысяч польских офицеров, который власти с трусливой подлостью пытались отнести за счёт фашистов, каяться за расстрел накануне войны с фа-